
Учебная реформа въ семинаріяхъ римско-католическаго духовенства.

Движеніе церковной реформы распространяется на католическомъ западѣ все болѣе и болѣе. Всѣ старанія церковной власти подавить его, и угрозами и выговорами удержать духовенство въ пассивномъ состояніи, въ уваженіи къ традиціямъ и въ безусловномъ повиновеніи оказываются, по видимому, недѣйствительными. Въ вопросѣ о разладѣ между интеллигенціей и церковью, наблюдающемся въ римско-католическихъ націяхъ не менѣе, чѣмъ въ Россіи, реформисты утверждаютъ, что для его устраненія необходимо повысить уровень образованія духовенства. Не только нравственное воспитаніе, благодаря недостаточности методовъ и насильственному заключенію въ стѣнахъ семинаріи, вырабатываетъ не закаленные для борьбы, а лишь слабые и лишенные жизненнаго опыта характеры, но и самое обученіе молодого духовенства устарѣло, носить печать прошедшихъ вѣковъ, не отвѣчаетъ условіямъ, созданнымъ въ современномъ обществѣ безспорнымъ научнымъ прогрессомъ и развитіемъ образованія.

Въ богословіи и философіи духовенство говоритъ языкомъ, непонятнымъ болѣе для тѣхъ, къ кому оно обращается. Ихъ языкъ былъ понятнымъ для умовъ того времени, когда университеты почитали теологію царицей наукъ и философіи давали смиренный эпитетъ служанки богословія. Въ настоящее же время ихъ роли перемѣнились; философія подтачиваетъ основанія христіанства и, провозглашая безусловную независимость разума, присваиваетъ себѣ право анализировать догматы, критиковать и опровергать ихъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, научное направленіе духовен-

ства совершенно противоположно стремленіямъ образованнаго свѣтскаго общества: первое продолжаетъ формулировать силлогизмы съ схоластической терминологіей, второе, примѣняя кантовскія и гегелевскія аксіомы, строитъ планы о новой религіи будущаго. Какъ примирить этихъ двухъ противниковъ, всё болѣе удаляющихся отъ соглашенія между собой?.. „Преобразуемъ преподаваніе, восклицаютъ духовные прогрессисты, впустимъ въ закрытыя аудиторіи семинарій струю свѣжаго воздуха современности, вспомнимъ, что духовенство есть институтъ религіозный и вмѣстѣ соціальный, и оно не должно отставать отъ культурнаго развитія общества.“ Приверженцы же устарѣлыхъ методовъ отвѣчаютъ: „Реформа семинарій въ томъ смыслѣ, какъ вы ее желаете, была бы противна канонамъ Тридентскаго собора. Соборъ—непогрѣшимъ и поэтому его постановленія должны быть почитаемы. Духовенство, воспитанное въ духѣ тридентскихъ каноновъ, будетъ всегда превосходить духовенство образованное, но зараженное свѣтскимъ духомъ, какого желаютъ модернисты“.

Вопросъ, какъ видно, интересенъ; онъ освѣщаетъ современныя условія и будущее католицизма на западѣ. Изложимъ его вкратцѣ, сопоставляя при этомъ существующія теперь программы преподаванія въ семинаріяхъ и измѣненія, которыя хотятъ въ нихъ ввести, и укажемъ на принятія Львомъ XIII и Піемъ X мѣры для того, чтобы сообразовать ихъ болѣе съ нуждами новаго времени.

Мысль о реформѣ преподаванія въ семинаріяхъ сильно занимала Льва XIII. Онъ старался возстановить средневѣковую христіанскую науку, но въ обновленномъ видѣ, модернизируя ее, такъ сказать, примѣненіемъ тѣхъ наукъ, которыя, благодаря экспериментальнымъ методамъ, достигли въ настоящее время высочайшихъ вершинъ прогресса. Первой его заботой было возстановленіе схоластической философіи Томы Аквинскаго, бывшей до того въ забвеніи и пренебреженіи, особенно благодаря вліянію, произведенному системой Росмини. Возвращеніе къ философіи Томы Аквинскаго было встрѣчено въ Италіи съ радостью. Но инициатива Льва XIII не была принята съ энтузіазмомъ во Франціи и еще менѣе въ Германіи, хотя у этихъ двухъ народовъ не было не-

достатка въ глубокихъ знатокахъ Аквината. Кромѣ того философское движеніе, которому покойный папа далъ починъ, не принесло и въ Италіи тѣхъ плодовъ, которыхъ онъ ожидалъ. Схоластическая философія не могла обновиться по причинѣ недостаточности общаго образованія духовенства, которому недоступны были системы современной философіи, и которому не доставало основательнаго знанія естественныхъ наукъ, чтобы согласовать ихъ результаты съ схоластическими аксіомами. Только въ Бельгіи были сдѣланы въ этомъ направленіи довольно ечастливые опыты, и новосхоластика католическаго университета въ Лувенѣ приобрѣла извѣстность своими стараніями утвердить схоластическую философію, поставивъ ее на болѣе твердое основаніе современнаго эмпиризма.

Въ энцикликѣ *Aeterni Patris* отъ 4 августа 1879 г. Левъ XIII излагалъ мотивы для этого возстановленія схоластики въ семинаріяхъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Въ наше время, когда христіанская вѣра подвержена кознямъ и ненависти ложной науки, вся молодежь, особенно же та, которая растетъ для церкви, должна питаться твердой и крѣпкой пищей, чтобы уже въ раннихъ лѣтахъ, окрѣпнувъ силами и хорошо вооруженная, была приучена мужественно и мудро защищать дѣло религіи и быть готовою, по слову апостола, дать отвѣтъ тѣмъ, кто требуетъ отчета въ нашемъ упованіи, и здравыми приѣмами увѣщевать покорныхъ и опровергать противниковъ“. Затѣмъ онъ приглашалъ епископовъ открыть воспитанникамъ семинарій „обиліе чистѣйшихъ водъ премудрости, истекающихъ изъ вѣчныхъ жилъ ангельскаго учителя св. Тома Аквинскаго“. Эти слова Льва XIII достаточно доказываютъ его желаніе, чтобы духовенство было болѣе образованно, чтобы оно могло развивать въ обществѣ болѣе плодотворную апостольскую дѣятельность.

Другое посланіе Льва XIII отъ 15 февраля 1882 г. содержитъ горячее воззваніе къ итальянскимъ епископамъ относительно образованія достойныхъ служителей церкви. Левъ XIII требовалъ для священниковъ „образованія не зауряднаго и посредственнаго, но отличнаго и разносторонняго, не ограничивающагося только богословскими науками, но обнимающаго философію и богатаго познаніями естественно-на-

учными и историческими“. Покойный папа понималъ важное значеніе естественныхъ наукъ и исторической критики и поэтому горячо рекомендовалъ ихъ изученіе, какъ для того, чтобы бороться противъ невѣрія, пользующагося въ борьбѣ противъ откровенія всѣми отраслями науки, такъ и для того, чтобы доказать, что духовенство стоитъ на высотѣ запросовъ времени и не боится научнаго прогресса, какъ опаснаго для вѣры врага. Въ обществѣ, жаждущемъ образованія, духовенство, для того чтобы оно могло плѣнять души, обязано быть образованнымъ.

Въ другомъ посланіи отъ 2 іюля 1894 г. къ епископамъ Бразиліи папа настаиваетъ на необходимости поднять нравственное и научное образованіе духовенства и предписываетъ выбирать отличныхъ учителей, чтобы повысить интеллектуальный уровень семинарій. Двѣ другія энциклики Льва XIII, одна отъ 8 сентября 1899 г. на французскомъ языкѣ къ духовенству Франціи и другая отъ 18 сентября того же года на латинскомъ языкѣ къ архіепископамъ и епископамъ Бразиліи, развиваютъ ту же мысль. Покойный папа старое умѣрялъ новымъ. Онъ писалъ французскимъ епископамъ: „слѣдуетъ, чтобы обученіе кандидатовъ на священство оставалось вѣрно традиціоннымъ методамъ прошлыхъ вѣковъ“, и сожалѣлъ, что во Франціи изученіе латинскаго и греческаго языковъ находится въ пренебреженіи; сами французскіе епископы, собравшіеся въ 1849 г. на соборѣ въ Парижѣ, объявили, что латинскій языкъ изучается въ семинаріяхъ слишкомъ туго и чрезвычайно быстро забывается: *discitur tardissime, seclerime dediscitur*. Тѣмъ не менѣе, рекомендуя вѣрность прошлому, Левъ XIII хотѣлъ, чтобы въ немъ вѣялъ духъ современности, открывая такимъ образомъ эру новой культуры для духовенства.

Пій X, хотя также принадлежитъ къ числу сторонниковъ реформы семинарій, однако не проявляетъ очень большой заботы о реформѣ собственно преподаванія. Мотто папы: *instaurare omnia in Christo* должно быть примѣнено и въ питомникахъ духовенства, оживотворяя главнымъ образомъ духъ кандидатовъ на священство, развивая въ нихъ внутреннее образованіе, отдѣляя ихъ отъ свѣта, какъ растеньица, которыя, будучи выставлены на свѣжій и рѣзкій горный воздухъ, блекнутъ и увядаютъ.

Чтобы обновить учебные методы римско-католическихъ семинарій въ Италіи, слѣдовало-бы начать съ улучшенія ихъ экономическихъ условій, которыя по-истинѣ плачевны. Церковныя имущества были конфискованы итальянскимъ правительствомъ, которое не даетъ никакихъ пособій семинаріямъ, такъ что ихъ содержаніе лежитъ на епископахъ, которымъ оно стоитъ огромныхъ издержекъ, и поддерживается лишь отчасти годовою платою воспитанниковъ. Левъ XIII констатировалъ серьезныя финансовыя затрудненія итальянскихъ семинарій и приглашалъ итальянскій народъ слѣдовать примѣру великодушія и щедрости французовъ и бельгійцевъ, расходующихъ громадныя суммы на духовныя школы и стараться всѣми силами помочь епископамъ въ ихъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Но итальянскіе католики не откликнулись на воззваніе папы и семинаріи продолжаютъ прозябать съ посредственными преподавателями, при недостаткѣ въ пособіяхъ и скудности преподаванія.

Этотъ интеллектуальный упадокъ есть косвенное слѣдствіе каноновъ Тридентскаго собора, предписывающихъ епископамъ даже самыхъ маленькихъ епархій имѣть собственную семинарію. Такимъ образомъ въ Италіи существуетъ около 300 семинарій для образованія духовенства и между ними только 40 или 50 имѣютъ профессоровъ, достойныхъ этого званія. Slѣдовало бы поэтому централизовать ихъ, закрыть бесполезныя или недостаточныя семинаріи и сократить ихъ число. Въ Италіи есть епархіи, насчитывающія 6000—10,000 душъ, семинаріи которыхъ имѣютъ не болѣе семи воспитанниковъ. Понятно, что съ такимъ ограниченнымъ числомъ прихожанъ и семинаристовъ невозможно найти средства для оплаты требующихся профессоровъ. Тридентскій соборъ постановилъ эту мѣру для того, чтобы епископъ во время богослуженія въ своемъ соборѣ былъ окруженъ молодыми священнослужителями, которые своимъ присутствіемъ и числомъ увеличивали бы благолѣпіе и торжественность службы. Но обѣднѣвшая и преслѣдуемая нынче церковь не въ состояніи дать всѣмъ епархіямъ эту роскошь при богослуженіи.

Пій X намѣревается именно упразднить семинаріи, находящіяся въ упадкѣ. Въ болѣе богатыхъ и лучше устроенныхъ епархіяхъ предполагаются малыя семинаріи, въ кото-

рыхъ воспитанники проходили бы курсъ реторики или литературы. Главный городъ каждой церковной провинціи, состоящей изъ архіепископства и нѣсколькихъ викарныхъ епископствъ, долженъ имѣть большую семинарію съ кафедами философіи, гражданскаго и церковнаго права, богословія, священнаго писанія, семитическихъ языковъ, исторіи церкви, литургіи, духовной литературы. Другими словами, существующія нынѣ семинаріи не должны быть совершенно уничтожены, но должны быть оставлены, какъ простыя подготовительныя училища для литературнаго образованія молодыхъ воспитанниковъ, которые, послѣ окончанія въ нихъ курса, поступали бы въ провинціальныя семинаріи,—нѣчто въ родѣ духовныхъ академій, предназначенныхъ исключительно для богословскихъ наукъ. Такимъ образомъ въ Италіи было бы около 50 большихъ семинарій для учениковъ уже опытныхъ и рѣшившихся посвятить себя духовному званію. Епархіи должны сгруппироваться, чтобы доставить необходимыя средства. Маленькія семинаріи, требующія меньшихъ средствъ, благодаря упраздненію кафедръ богословскихъ наукъ, могли-бы посвятить всѣ заботы на умственное развитіе дѣтей, предназначенныхъ для духовнаго званія, и дать имъ достаточныя познанія въ гражданской исторіи и географіи—наукахъ, которыя до настоящаго времени были очень запущены.

На преимущество такой реформы указано въ сочиненіи: „Дѣйствія и намѣренія Пія X“, выражающемъ преобразовательныя идеи нынѣшняго папы. „Прежде всего значительно сократилось бы существующее въ настоящее время затрудненіе имѣть опытныхъ преподавателей, особенно по предметамъ философіи, богословія и права, ибо не одно и тоже снабдить хорошими профессорами 300 семинарій, или около 40, сколько именно оказалось бы провинціальныхъ семинарій во всей Италіи. Во вторыхъ, духовенство получало бы болѣе основательное и болѣе широкое образованіе и поэтому болѣе согласующееся съ требованіями времени и нуждами церкви. Наконецъ, духовенство было бы болѣе дисциплинировано, а также и болѣе воспитанно, нежели то, которое выходитъ теперь изъ многихъ епархіальныхъ семинарій“¹⁾.

1) Пія X, его дѣйствія и намѣренія, 1905, 14—15 стр.

Противъ этого предложенія, повидимому исполнѣ основательно, приводятъ два возраженія: 1) это новое устройство нарушаетъ каноны Тридентскаго собора и отдаляетъ отъ епископа его будущихъ священниковъ; 2) не достаетъ средствъ для приведенія его въ исполненіе. Относительно перваго одинъ римскій прелатъ справедливо замѣчаетъ, что не слѣдуетъ держаться буквы тридентскаго собора, рискуя уничтожить премудрый духъ его реформъ. Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ этотъ писатель, состояніе семинарій въ небольшихъ епархіяхъ Италіи плачевно: въ нихъ ученикъ богословія часто товарищъ ученику гимназіи и профессоръ богословія — студентъ прошедшаго года, только что получившій дипломъ. Эти ненормальности происходятъ отъ недостатка въ денежныхъ средствахъ для подобающей оплаты профессоровъ; сосредоточивъ средства нѣсколькихъ епархій для одной общей цѣли, можно было бы достигъ того, что бы духовное воспитаніе, какъ религіозное, такъ и научное, было одинаково по значенію съ воспитаніемъ, получаемымъ въ большихъ центрахъ¹⁾. Цѣль семинарій — направить дѣтей къ духовному званію т. е. поставить ихъ въ такія условія, которыя разрѣшили бы имъ трудную задачу призванія и послѣ того, какъ они избрали духовное званіе, дали бы возможность приготовиться для принятія его съ полнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей. Поэтому совершенно логично раздѣлить семинаріи на маленькія, предназначенныя для дѣтей, и большія, назначенныя для духовныхъ. Первые будутъ рассадниками юношей — духовныхъ, вторыя — рассадниками священниковъ. О первыхъ могутъ заботиться болѣе или менѣе всѣ епархіи, потому что организація школы для литературнаго образованія юношества не представляетъ особенныхъ затрудненій; что касается вторыхъ — дѣло не такъ просто, такъ какъ онѣ требуютъ избраннаго состава преподавателей и болѣе серьезныхъ занятій. Предписаніе тридентскаго собора, требующее, чтобы въ каждой епархіи была одна семинарія, примѣнимо къ тѣмъ епархіямъ, которыя въ силу своей обширности имѣютъ нѣсколько малыхъ семинарій и одну большую, отъ которой зависятъ пер-

¹⁾ Политико-религіозные вопросы. Замѣчанія римскаго прелата. Римъ, 1906, стр. 11—12.

вья ¹⁾. Не семинаріи существуютъ для епископовъ, а епископы для семинарій, и гдѣ имѣется большій контингентъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ на пользу молодого духовенства, тамъ легче достигнуть благосостоянія семинарій.

Другое возраженіе,—относительно удаленія воспитанниковъ отъ епархій, къ которымъ они принадлежатъ, и отъ епископовъ, которымъ они подчинены, не имѣетъ значенія потому, что если бы оно было основательно, первый упрекъ слѣдовало бы отнести къ римскимъ семинаріямъ, въ которыхъ собрана молодежь изъ всѣхъ частей Италіи.

Проектъ провинціальныхъ семинарій вмѣсто епархіальныхъ встрѣтилъ одобреніе Пія X, который назначилъ комиссію для осуществленія его на практикѣ. Въ такомъ случаѣ семинарскіе статуты, составленные согласно канонамъ Тридентскаго собора, потерпятъ измѣненія. Всѣ духовные студенты провинціи, раздѣленной на нѣсколько епархій, должны отправляться по минованіи лѣтъ дѣтства, проведенныхъ въ низшихъ семинаріяхъ, въ богословское училище митрополіи, резиденціи архіепископа, имѣющаго подъ собой нѣсколькихъ викарныхъ епископовъ. Необходимые для этихъ митрополичьихъ семинарій расходы могутъ покрываться изъ средствъ, остающихся у епископовъ, благодаря превращенію большей части нынѣшнихъ семинарій въ семинаріи низшія. Кромѣ того могутъ быть основаны стипендіи, для которыхъ можно бы назначить значительныя суммы, расходуемая римскимъ престоломъ на семинаріи Пія, Льва, ватиканскую, св. Амвросія и Карла въ Римѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Италіи существуютъ уже хорошо организованныя семинаріи, которыя съ незначительными средствами могутъ быть преобразованы въ провинціальныя. Эти совѣты анонимнаго автора „Дѣйствій и намѣреній Пія X“ уже приводятся въ исполненіе, потому что итальянская печать объявляетъ о закрытіи ватиканской семинаріи.

Относительно низшихъ семинарій представляется серьезное затрудненіе. Для поступленія въ университетъ требуются аттестаты гимназіи (въ Италіи изъ 5 классовъ) и лица

¹⁾ Брускелли. О состояніи семинарій въ малыхъ епархіяхъ Италіи. Римъ. 1905.

(3 класса). Въ виду печальныхъ условій итальянскаго духовенства, многіе священники занимаются учебной дѣятельностью, для чего имъ необходимо имѣть гимназическій и лицейскій дипломъ. Въ тоже время семинаріи изъ-за скудости средствъ не ограничиваются пріемомъ только такихъ учениковъ, которые готовятся къ духовному званію, но открыты и для тѣхъ, единственная цѣль которыхъ получить требуемые правительствомъ дипломы. Поэтому семинаріи ввели по большей части правительственныя учебныя программы, чрезвычайно сложныя и обремененныя предметами, имѣющими мало или ничего общаго съ богословскими науками. Такимъ образомъ воспитанники, предназначенные къ духовному званію, проводятъ восемь лѣтъ въ изученіи литературы, языковъ, исторіи географіи, математики, физики, химіи и т. п. съ чисто утилитарной цѣлью. Понятно, что такое умственное надрываніе не даетъ имъ возможности изучать богословіе, и кромѣ того многіе духовные студенты по окончаніи гимназическихъ и лицейскихъ курсовъ, посвящаются въ священники и посѣщаютъ затѣмъ университеты, заведенія совершенно свѣтскія, забывая и минимальный необходимый для духовенства запасъ богословскихъ свѣдѣній.

Вслѣдствіе этого мнѣнія расходятся насчетъ того, слѣдуетъ ли сохранить въ семинаріяхъ правительственныя программы, доставляющія духовенству доступъ въ государственныя университеты. Нѣкоторые стоятъ за сохраненіе программъ и приводятъ въ пользу своего мнѣнія тотъ доводъ, что правительственный дипломъ придаетъ духовенству престижъ въ глазахъ народа. „Необходимо, чтобы молодые люди получали въ семинаріяхъ то-же образованіе, какъ и свѣтскіе, приготовляющіеся къ высшимъ должностямъ. Уже одно то, что можно сказать, что духовные изучаютъ менѣе предметовъ, нежели посвящающіе себя медицинѣ, или адвокатурѣ, и что путь къ священству широкъ, удобенъ и коротокъ въ то время, какъ къ гражданскимъ должностямъ ведутъ пути долгіе и неудобныя, — было бы стыдомъ и послужило бы серьезнымъ возраженіемъ противъ церкви... Нынѣшній методъ обученія въ гимназіяхъ и лицеехъ, какъ въ отношеніи педагогическомъ, такъ и касательно внутреннихъ отношеній между разными науками, представляетъ истинный

прогрессъ въ сравненіи съ прежнимъ и поэтому долженъ быть примѣненъ въ семинаріяхъ“¹⁾.

Но въ Италіи іезуиты, руководящее вліяніе которыхъ на воспитаніе духовенства громаднo,—другого мнѣнія. О. Цокки называетъ семинаріи „лабораторіями священниковъ“. Онъ допускаетъ, что методъ классическаго образованія въ семинаріяхъ не можетъ остаться такимъ, какимъ былъ прежде; но онъ не желалъ бы однако, чтобы во всемъ слѣдовали правительственнымъ программамъ. О. Цокки хочетъ средняго учебнаго заведенія между прежней семинаріей и правительственными гимназіей и лицеемъ, такъ чтобы лучшіе студенты могли съ частной подготовкой приступать къ экзаменамъ на лицейскій дипломъ²⁾.

Вслѣдствіе новаго направленія Пія X *Civiltà Cattolica*, въ которой помѣщаетъ свои статьи о. Цокки, стала проявлять болѣе ригоризма. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ она строго осуждаетъ легкомысліе тѣхъ, которые, выдумывая безъ устали учебныя реформы для семинарій, не могутъ придумать ничего лучшаго, какъ превращеніе ихъ въ публичныя школы, и не перестаютъ толковать о необходимости примѣненія правительственныхъ программъ. Органъ итальянскихъ іезуитовъ не можетъ понять, какимъ образомъ благоразумнымъ людямъ могла прійти мысль, что для совершеннаго образованія юношей, предназначенныхъ для священства, можетъ быть пригоденъ учебный методъ, который даетъ въ результатъ молодыхъ людей съ лицейскимъ дипломомъ, ничего не смыслящихъ въ латинскомъ языкѣ и философіи. Странно, что духовные писатели защищаютъ правительственныя программы, которыя сами свѣтскіе профессора правительственныхъ школъ критикуютъ, находятъ чрезмѣрно обремененными, и считаютъ ихъ причиной поверхностности общаго образованія подрастающаго поколѣнія. Слѣдуетъ поэтому исключить изъ семинарій правительственныя программы и не обязывать семинаристовъ общимъ правиломъ къ экзаменамъ на гимназическій и лицейскій аттестаты³⁾.

1) Канфалоніери. О характеръ образованія духовенства въ настоящее время. Флоренція, 1901.

2) Объ образованіи молодого духовенства. Римъ. 1902, стр. 44.

3) Планъ реформы для среднихъ учебныхъ заведеній и семинарій. *Civiltà Cattolica* 17 ноября, 1906, стр. 397.

Такимъ образомъ, сторонники семинарскаго строя по мысли Пія X стремятся отдѣлить ихъ совершенно отъ общества даже и въ учебно-образовательномъ отношеніи. Піи X ясно высказалъ свою мысль въ энцикликѣ къ итальянскимъ архіепископамъ и епископамъ. Онъ предписываетъ епископамъ, „чтобы молодому духовенству, не было дозволено посѣщеніе публичныхъ университетовъ, развѣ только по серьезнымъ причинамъ и съ величайшею осторожностью“. Кромѣ того въ Римѣ доступъ въ университетъ почти всегда запрещенъ молодымъ священникамъ. Нельзя предположить, что предразсудокъ противъ научнаго образованія вызвалъ это запрещеніе Пія X, въ чемъ его многіе упрекаютъ. Въ Италіи университеты являются разсадниками антиклерикализма, въ ихъ аудиторіяхъ наука совершенно отдѣлилась отъ церкви, и профессора совершенно свободны излагать свои теоріи, даже самыя враждебныя религіозному чувству; посѣщающіе ихъ священники часто принуждены выслушивать преподавателей, которые осмѣиваютъ ихъ религіозныя вѣрованія и защищаютъ теоріи противохристіанской философіи. Такимъ образомъ они рискуютъ проникнуться идеями, губельными для ихъ вѣры, и нравственно развратиться отъ столкновенія съ испорченной молодежью, подвергая опасности обязательный для нихъ обѣтъ безбрачія. „Лишь скрѣпя сердце, пишетъ о. Цокки, римская церковь разрѣшаетъ австрійскимъ епископамъ посылать воспитанниковъ семинарій въ правительственныя гимназіи и лицеи; не безъ страха она видитъ въ Германіи семинаристовъ, посѣщающихъ государственныя университеты, для полученія званія доктора богословія“¹⁾. Въ Италіи, благодаря почти совершенному отдѣленію церкви отъ государства, духовенство болѣе подчинено іерархіи и Піи X можетъ запретить воспитанникамъ семинарій посѣщеніе правительственныхъ школъ. Однако это запрещеніе можетъ имѣть результатомъ уменьшеніе вліянія духовенства, которое, не зная хорошо, какимъ оружіемъ владѣетъ его противникъ, не въ состояніи будетъ выступать противъ нихъ съ нужнымъ умѣньемъ и опытностью, и кромѣ того устранить само себя отъ общественныхъ учебныхъ заведеній и отъ оффиціального преподаванія, предоставленнаго только учителямъ, имѣющимъ правительственный дипломъ.

¹⁾ Цокки. Объ образованіи молодого духовенства. 17 стр.

Что касается затѣмъ сожительства молодыхъ людей, готовящихся для общественной карьеры и юношества, предназначеннаго для духовнаго званія, то іезуиты *Civiltà Cattolica* почитаютъ такое сожительство совершенно пагубнымъ. Духовная педагогика существенно отлична отъ свѣтской, т. е. семинаріи должны слѣдовать другому воспитательному методу, нежели свѣтскія школы. Изъ-за экономическихъ причинъ или же для того, чтобы устранить дѣтей, предназначенныхъ для свѣтской карьеры отъ нравственнаго и религіознаго развращенія, въ Италіи родители предпочитаютъ отдавать ихъ въ семинаріи. Эти дѣти подчиняются уставу, носятъ духовную одежду, но зная хорошо, что не будутъ священниками, они не стараются приобрѣсть необходимыя для ихъ положенія качества. Цѣль же семинарій—направить мальчиковъ и юношей къ духовному поприщу, заставить ихъ проникнуться съ самаго нѣжнаго возраста священническимъ духомъ и образовать ихъ для пастырской жизни. Согласно рѣшенію Тридентскаго собора семинаріи не должны быть смѣшанными заведеніями, въ которыхъ могутъ быть приняты и тѣ, которые не готовятся къ священству. Открыть ихъ для всѣхъ безразлично значить ввести въ нихъ свѣтскій духъ и отъ этого соединенія разныхъ элементовъ происходятъ тѣ недостатки, въ которыхъ іезуитъ Цокки упрекаетъ современное духовенство: разсѣянность, школьныя манеры, свободомысліе, духъ независимости и критики, тщеславіе, упрямство и т. д. Если семинаріи не могутъ существовать безъ того, чтобы принимать постороннихъ, было бы лучше закрыть ихъ. Для достиженія того, чтобы семинаріи стали чисто духовными училищами, слѣдовало бы сдѣлать экзамены на гимназическій и лицейскій дипломы необязательными; тогда тѣ, которые не намѣреваются вступить въ духовное званіе, не посѣщали бы ихъ и такимъ образомъ можно было бы избѣгнуть опасности давать образованіе въ семинаріяхъ ученикамъ, которые потомъ, покинувъ ихъ, нерѣдко становятся сторонниками самаго яраго антиклерикализма.

Пій X желаетъ вернуть семинаріи къ ихъ строго духовной цѣли. Поэтому можно предвидѣть закрытіе семинарій, считаемыхъ правительствомъ равными правительственнымъ гимназіямъ и лицеямъ по праву выдачи соотвѣтствующихъ этимъ учрежденіямъ дипломовъ. Освобожденные отъ обяза-

тельныхъ правительственныхъ программъ, семинаристы приложили бы болѣе старанія и труда къ изученію богословскихъ наукъ и къ подготовленію себя въ священники.

Реформа учебныхъ программъ семинарій должна простирается какъ на свѣтскую литературу, такъ и на богословскія науки. Духовенству вообще ставятъ въ упрекъ недостаточность образованія. Приведемъ слова, въ безпристрастїи которыхъ нельзя сомнѣваться: „Образованіе итальянскаго духовенства второй половины XIX вѣка оказывается скуднымъ и устарѣвшимъ. Если бы мы задумали составить списокъ духовныхъ писателей, которые въ этотъ періодъ времени писали своснымъ языкомъ и обладали живымъ и сильнымъ слогомъ, мы оказались бы въ большомъ затрудненіи. Кардуччи, величайшій изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ, вызывалъ любаго католика написать хорошую строку, будучи увѣренъ, что онъ не сумѣлъ бы. Въ литературномъ отношеніи образованіе духовенства сводится въ послѣдніе годы къ слѣдующему: въ провинціальнхъ семинаріяхъ выучиваютъ учениковъ, какъ составить нѣсколько латинскихъ стиховъ и въ академической прозѣ выразить скорбь Пресвятой Дѣвы у подножія креста. Въ большихъ центрахъ, какъ Римъ, молодые духовные питомцы бывають принуждены оставить литературныя занятія лишь только переступая порогъ гимназіи и посвятить всѣ свои силы на изученіе философіи и богословскихъ наукъ. Въ католическихъ академіяхъ вѣтъ такой духъ старины, что наводитъ сонъ на страдающихъ самой упорной бессонницей. Славныя времена краснорѣчія прошли для насъ. Современное краснорѣчіе, бѣдное и безсильное, не умѣетъ болѣе зажигать въ сердцахъ пламя благочестія... Наши священники не умѣютъ владѣть словомъ, не знакомы съ современной литературой и послѣдними эволюціями языка, этого чуткаго инструмента человѣческой мысли, измѣняющагося съ каждымъ днемъ и постоянно приобретающаго новыя тонкости и ббльшую точность. Мы довольствуемся тяжелой прозой какого-нибудь журнала, которая самой острой мысли придаетъ плоскую и размѣренную тяжеловѣсность и выражается непереваримыми слонообразными періодами. Этотъ серьезный недостатокъ духовнаго образованія требуетъ неотложныхъ мѣръ, потому что было бы совершенно бесполезно обога-

щать умы юношей познаніями, если не дать имъ возможности сообщать ихъ другимъ, и пользоваться ими, какъ средствомъ для духовнаго назиданія. А въ наше время общество любитъ хорошій языкъ, любитъ твердый слогъ и изящныя образы“¹⁾. Стало быть нужно повысить литературный уровень образованія духовенства, давъ ему въ руки современныхъ авторовъ, которыхъ обыкновенно оставляютъ въ сторонѣ въ виду ихъ романтизма, могущаго возбудить молодя фантазіи, и ихъ антиклерикальныхъ тенденцій. Воспитанникамъ семинарій совершенно незнакома современная литература, считающая своими извѣстнѣйшими представителями Кардуччи, Стеккетти, Д’Аннунціо, Фогаццаро и др., реализмъ или религіозныя и литературныя тенденціи которыхъ считаются вредными для развитія священническаго духа.

Въ семинаріяхъ желательно было бы ввести широкое знакомство съ современными литературными произведениями и изученіе тѣхъ иностранныхъ языковъ, которые необходимы теперь для общаго образованія и которыми духовенство до сихъ поръ пренебрегало. Но тѣмъ не менѣе къ такой реформѣ относятся враждебно тѣ, которые хотѣли бы, какъ въ средніе вѣка, дать латинскому языку преимущество въ богословскихъ наукахъ передъ новыми. „Для мірянъ, пишетъ о. Цокки, латинскій языкъ—необходимый предметъ образованія, для духовныхъ же онъ языкъ—живой. Это языкъ литургіи, таинствъ, школы, большихъ епископскихъ собраній и папскихъ документовъ. Слѣдуетъ поэтому, чтобы семинаристы въ гимназіи и лицее изучали латинскій языкъ, въ такой степени, чтобы при изученіи богословія онъ былъ знакомъ имъ вполне, и чтобы не нужно было диктовать имъ догматическія или моральныя или библейскія лекціи на разговорномъ языкѣ“²⁾. Непонятно, почему науки, изучаемыя духовенствомъ для пользы мірянъ, должны быть преподаваемы на языкѣ, который несправедливо хотятъ считать живымъ. Во времена схоластики научнымъ языкомъ былъ латинскій; на латинскомъ же языкѣ еще въ прошломъ вѣкѣ преподавали въ семинаріяхъ физику, геометрію, ре-

1) Реформы, Критическія замѣчанія римскаго священника. Римъ, 1905, стр. 28—29.

2) Цит. сочин. 43 стр.

торику и на латинскомъ языкѣ изучается въ настоящее время во многихъ семинаріяхъ исторія церкви. Недавно еще священникъ Джованни Пиги написалъ для семинаристовъ на латинскомъ языкѣ пространный курсъ исторіи церкви, въ которой авторъ часто прибѣгаетъ къ силлогизмамъ для доказательства тѣснящихся въ его головѣ теорій. Въ Германіи и Англии въ богословскихъ училищахъ римской церкви богословскія науки не преподаются уже на латинскомъ языкѣ, и эти двѣ націи преимущественно и подвергаются упрекамъ со стороны защитниковъ школьнаго традиціонализма въ отсутствіи богословской твердости и въ мави опасныхъ для чистоты вѣры новшествъ. Во Франціи и въ Бельгіи послѣдовали тому же примѣру безъ ущерба для общаго образованія духовенства. Въ Италіи и въ Испаніи сохранился обычай преподавать на латинскомъ языкѣ богословіе, философію, церковное право, экзегетику, исторію церкви, восточные языки. Чрезмѣрное употребленіе мертваго языка при живомъ преподаваніи дѣлаетъ духовенство неспособнымъ говорить съ легкостью на своемъ собственномъ языкѣ въ тѣхъ наукахъ, которыя ему необходимы для его призванія, тѣмъ болѣе, что въ современныхъ языкахъ, кромѣ развѣ нѣмецкаго, трудно найти термины, точно соответствующіе запутаннымъ и стереотипнымъ выраженіямъ схоластики. Пій X болѣе склоненъ къ сохраненію старыхъ методовъ. Отмѣна правительственныхъ программъ даетъ семинаріямъ возможность посвятить болѣе времени изученію латинскаго языка, хотя это и въ ущербъ тѣмъ познаніямъ, которыя требуются въ настоящее время для общаго образованія. Возстановленіе старыхъ системъ удалило бы духовенство отъ пагубнаго вліянія современной литературы. Кромѣ того римская церковь видитъ въ латинскомъ языкѣ живую связь ея единства. Знаніе латинскаго языка даетъ духовенству различныхъ націй возможность быть въ связи съ Римомъ. На соборахъ римской церкви латинскій языкъ даетъ собирающимся на нихъ епископамъ возможность понимать другъ друга. Безъ латинскаго языка единство римскаго католицизма можетъ нарушиться, и дѣйствительно въ тѣхъ странахъ, которыя исключили его изъ семинарій, какъ напр. въ Германіи, обнаруживаются сепаратистскія вождельвія и стремленіе подготовить путь для національной церкви, для

нѣмецкаго католицизма. Эти доводы безъ сомнѣнія имѣютъ вѣсь, но недостаточны для того, чтобы убѣдить противниковъ латыни, которые не могутъ понять, почему духовенство должно изучать на мертвомъ языкѣ тѣ науки, которыя оно должно объяснять народу на живомъ языкѣ. Было бы смѣшно, если бы итальянецъ для того, чтобы преподавать физику въ Италіи, изучалъ ее самъ на русскомъ языкѣ. Это неподходящее сравненіе, отвѣчаютъ сторонники старины, потому что латинскій языкъ есть корень, отъ котораго происходятъ языки всѣхъ латинскихъ націй. Если этотъ отвѣтъ и вѣренъ, то вопросъ еще не разрѣшенъ для другихъ націй, напр. для нѣмцевъ, славянъ или китайцевъ и японцевъ, которые должны будутъ изучать богословскія науки въ католическихъ семинаріяхъ на языкѣ, не имѣющемъ ничего или очень мало общаго съ ихъ культурой.

Что касается высшаго учебнаго курса въ римско-католическихъ семинаріяхъ, то принято слѣдующее раздѣленіе: 1) Философія и естествознаніе, 2) Богословіе и сродныя съ нимъ науки. Въ однихъ семинаріяхъ три года посвящаются изученію философіи и четыре изученію богословія; въ другихъ оба курса проходятся въ пять лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ въ три года.

Курсъ философіи обнимаетъ логику, онтологию, психологию; и теодицею; кромѣ того студенты-- философы занимаются математикой, геометрией, физикой, начатками химіи, минералологіей, геологіей и т. п. Философія составляетъ существенную часть научнаго образованія римскаго духовенства, потому что считается единственнымъ путемъ, дающимъ возможность уму проникнуть въ область научнаго богословія, которое безъ философіи не заслуживало бы названія науки. „Богословіе излагаетъ истины откровенія, но истины уже профильтрованныя философскою мыслию“. Вплоть до послѣднихъ лѣтъ характеръ римско-католическаго богословія былъ существенно философскимъ, для доказательства его тезисовъ прибѣгали къ Священному Писанію и къ преданію, но главнымъ ядромъ богословской аргументаціи, даже въ догматахъ, недоступныхъ человѣческому разуму, были разсужденія философскія. Всѣ основныя доказательства христіанства—философскаго и историческаго происхожденія и ученіе о Троицѣ основывается на онтологическихъ понятіяхъ о сущности, единствѣ, и личности.

Тайна воплощенія возбуждаетъ самыя глубокіе вопросы психологіи. Вліяніе благодати необъяснимо безъ философскаго изученія человѣческой природы. Въ ученіи о таинствахъ, особенно евхаристіи, мы касаемся самыхъ трудныхъ проблемъ причинности, пространства, матеріи, случайности. Однимъ словомъ, богословіе во всѣхъ своихъ частяхъ есть наука философская и безъ философіи оно не могло бы ни преподаваться, ни изучаться, ни быть надлежаще понятымъ ¹⁾. Изъ семинарій нельзя исключить схоластику, потому что это лишило бы богословіе достоинства истинной науки. Оно свелось бы къ простой исторіи догматовъ, или къ снабженному въ большей или меньшей мѣрѣ разсужденіями перечисленію заблужденій еретиковъ. Богословіе совершенно исчезло-бы ²⁾.

Слѣдуетъ, поэтому говорить, сохранить въ семинаріяхъ изученіе схоластики, возстановленной Львомъ XIII. До его энциклики *Aeterni Patris*, схоластическая мысль была въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, особенно послѣ быстрого расцвѣта и замѣчательныхъ открытій экспериментальнаго метода, блистательно представленнаго Бакономъ, Декартомъ и Галилеемъ, совершенно забыта. Схоластику не безъ основанія упрекали въ томъ, что она задержала научный прогрессъ своими метафизическими аргументами а priori, заключила всю человѣческую мысль въ одну голову Аристотеля, съ яростью сопротивлялась всему, что казалось отдѣленіемъ отъ ея неподвижныхъ теорій. Картезіанство одержало побѣду надъ схоластикой даже въ семинаріяхъ и іезуиты, бывшіе самыми горячими ея поборниками, ограничивались въ первой половинѣ XIX вѣка тѣмъ, что совѣтовали изучать по крайней мѣрѣ схоластическую терминологію, чтобы легче понимать богословскіе тезисы. Возстановленіе въ духовныхъ школахъ философіи Тома Аквинскаго ставилось въ большую заслугу покойному папѣ. Прославленіе великаго средневѣковаго доминиканца есть дѣло справедливости. Изъ всѣхъ христіанскихъ мыслителей Тома безъ сомнѣнія самый проникательный. Онъ собралъ, обобщилъ, увѣнчалъ вѣковое дѣло слиянія того, что было менѣе дряхло въ эллинской мысли, и догматовъ, — дѣло, робко начатое Климентомъ Але-

1) Hogan, *Les études du clerge*, Paris, 1901, стр. 53.

2) Цокки. Католическій духъ въ образованіи молодого духовенства, Римъ, 1903, стр. 39—40.

ксандрійскимъ въ концѣ второго вѣка, продолженное въ восьмомъ вѣкѣ съ большей аристотелевской точностью Іоанномъ Дамаскинымъ и нашедшее въ плеядѣ схоластиковъ широкое развитіе. Поэтому мы предполагаемъ, что католическое ученіе въ томъ, что касается метафизической стороны мысли, никогда не можетъ безнаказанно выйти изъ границъ ангельскаго учителя. Тѣмъ не менѣе панегиристы схоластики дѣлаютъ оговорку: „Будемъ осторожны, чтобы не обезплодить мыслей Ѳомы педантичнымъ и нераціональнымъ откапываніемъ словъ въ ущербъ духу... Бѣда, если изъ томизма сдѣлать законченную систему, недоступную соприкосновенію съ новыми науками и завоеваніями человѣческой мысли. Схоластическая мысль не должна внушать изучающему юношѣ систематическаго презрѣнія къ современнымъ произведеніямъ мысли. Не слѣдуетъ питать предразсудка, что за аристотелесхоластическими предѣлами не появлялось другихъ формъ спекулятивнаго мышленія“... 1)

Эти опасенія застоя философскаго изученія въ римско-католическихъ семинаріяхъ, вслѣдствіе возстановленія схоластики, оправдались. При чтеніи курсовъ философіи, которые въ ходу въ семинаріяхъ, въ особенности въ тѣхъ, которые считаются лучшими, какъ Цильяра, Лоренцелли, Де Марія, Мандато,—такъ и кажется, что ихъ книги, напечатанныя въ XX вѣкѣ, перепечатаны съ руководствъ XVI вѣка. Мысль Ѳомы выясняется въ нихъ съ доктринерской сухостью, а новыя философскія системы оставлены совершенно въ сторонѣ. Изучая эти книги можно предположить, что бѣдная философія, начиная съ XIII вѣка, закуталась въ саванъ, потерявъ способность сужденія и рѣчи. Нѣсколькими силлогизмами эти обновители схоластики думаютъ отдѣлаться отъ кантизма, гегеліанства и позитивизма, представляющихъ главную опору свѣтской философіи, изучаемой въ итальянскихъ университетахъ. Воспитанники семинарій, замѣчаютъ сторонники реформъ въ современномъ духѣ, выходятъ по окончаніи курса не только съ пустымъ желудкомъ; но и съ тошнотой отъ философіи. Прежде всего термины и методы схоластики имъ не по вкусу и трудно понятны. Кромѣ того руководства содержатъ вопросы, считаемые со-

1) Реформы, стр. 31.

временною наукою ребяческими, и на разрѣшеніе ихъ тратятся напрасно цѣлыя сокровища остроумія. Скудное знаніе латинскаго языка, на которомъ ведется преподаваніе, наполняетъ головы учениковъ непонятными формулами, которыя они повторяютъ безъ заинки, но которыя не въ состояніи выразить на родномъ языкѣ. Изученіе философіи часто сводится къ механическому зазубриванію техническихъ терминовъ, изгнанныхъ изъ новыхъ языковъ. Умъ привыкаетъ связывать себя авторитетомъ одного мыслителя и примѣняетъ догматизмъ въ свободныхъ философскихъ разсужденіяхъ. Сальваторе Минокки пишетъ по этому поводу: „Духовенство должно не только исторически, но и критически изслѣдовать богословіе и философію. Ни одинъ человѣкъ, будь то Амвросій, Августинъ, Тома, Бонавентура, болѣе—ни одна эпоха,—ни отцовъ, ни великихъ учителей церкви—не можетъ присвоить себѣ славу завершенія поисковъ истины. Богословская наука отцовъ третьяго и четвертаго вѣковъ превосходила науку первыхъ христіанскихъ поколѣній, а учителя XIII вѣка, создавъ христіанскую философію, расширили и усовершенствовали богословіе отцовъ церкви. Точно также и наши труды съ теченіемъ вѣковъ усовершеншатъ труды отцовъ и учителей церкви“¹⁾.

Къ этому стремленію ввести въ семинаріяхъ обновленную философію, представляющую гармоническое смѣшеніе средне-вѣковой схоластики съ современными системами, Пій X относится неблагопріятно. Вообще римско-католическое богословіе питаетъ самую непримиримую вражду къ кантовскимъ теоріямъ, отъ которыхъ берутъ начало всѣ рационалистическія воззрѣнія антихристіанской мысли. По странной случайности философія, которая должна бы обновить образованіе въ римско-католическихъ семинаріяхъ и открыть новыя горизонты христіанской апологетики, основывается на философскихъ теоріяхъ Канта. По мнѣнію іезуита Фонтэна, ученіе новой философской школы католицизма во Франціи, представители которой Лабертонниеръ, Руа, Блондель, Фонсегривъ и др., чисто кантовское. Пій X поэтому, предполагаетъ, чтобы избѣжать опасной новизны, лучше остаться спокойно при старыхъ системахъ. Такимъ образомъ,

¹⁾ Studi Religiosi, 1901, стр. 28.

философія въ католическихъ семинаріяхъ превращается въ анахронизмъ. Въ нихъ опровергается реализмъ, номинализмъ, посвящается нѣсколько лекцій на разсужденія относительно происхожденія матеріи, различія между *esse* и *existencia*, но ученикамъ не говорятъ о религіозно-моральныхъ заблужденіяхъ, пользующихся обаяніемъ въ современномъ обществѣ. „Въ философскихъ вопросахъ молодежь говорить языкомъ, требующимъ въ обществѣ толкователя, и рабски подчиняется системѣ, не позволяющей имъ принимать участія въ отвлеченныхъ спорахъ нашего времени“. (Гоганъ) Въ семинаріяхъ трудно было бы найти философовъ, которымъ когда либо приходилось слышать о Ницше, Гартманѣ и Онкенѣ, системы которыхъ имѣли такое вліяніе на философію латинскихъ націй. Совершенное пренебреженіе преподаванія исторіи философіи еще болѣе увеличиваетъ это незнаніе. Философія римско-католическихъ семинарій сохраняетъ характеръ чисто спекулятивный и догматическій, пренебрегая сравнительнымъ изученіемъ системъ. Этимъ объясняется недостатокъ оригинальныхъ философовъ въ рядахъ католическаго духовенства. Философская спекуляція, даже въ вопросахъ, въ которыхъ повидимому дозволена свобода разсужденія, напр., какимъ образомъ соединена душа съ тѣломъ, связана съ догматическими опредѣленіями, придающими римско-католической философіи характеръ неподвижности и неизмѣнности. Поэтому результатомъ ея изученія не можетъ быть научное возрожденіе духовенства, если не положить въ ея основу исторіи системъ и экспериментальныя науки. Схоластикъ именно слѣдуетъ приписать, по мнѣнію Минокки, то обстоятельство, что богословскія науки въ упадкѣ, и католицизмъ въ интеллектуальномъ отношеніи уступаетъ протестантству. „Вся аристотелевская логика, развившаяся въ монашесствѣ, носила характеръ чисто богословской; казалось, что наука употребила или злоупотребила силлогизмомъ, чтобы составить изъ всего человѣческаго знанія богословіе. Всѣ предрасудки, терпимые или защищаемые историческимъ силлогизмомъ, всѣ злоупотребленія духовной власти, представленныя подъ благовиднымъ предлогомъ юридическихъ силлогизмовъ, имѣли реакцію, выразившуюся въ безвѣріи и нравственной распущенности гуманистовъ, артистовъ и философовъ, въ борьбѣ государствъ

противъ церкви, въ народныхъ возмущеніяхъ противъ католицизма и въ католической реформѣ Тридентскаго собора 1)“.

Пій X однако не раздѣляетъ непріязни къ схоластикѣ. Въ посланіи отъ 23 января 1904 г. къ римской академіи св. Томы Аквинскаго, онъ торжественно одобрилъ направленіе, данное его предшественникомъ Львомъ XIII изученію философіи, и называлъ схоластику единственнымъ средствомъ для уничтоженія новораціонализма, этой чумы, заражающей вѣру и разумъ современнаго общества: *ad coercendam pro virili parte communitatem illam rationis fideique pestem, quae longe lateque serpit, neorationalismum dicimus* 2).

Реформа семинарій должна бы двинуть впередъ и изученіе естественныхъ наукъ, имѣвшихъ въ прошломъ даровитыхъ представителей въ рядахъ римско-католическаго духовенства, какъ: Коперника, Гассенди, Секки, Пикаръ, Лаккайлъ, Нолле, Спаланцани и др. „Пока естественныя науки составляютъ часть либеральнаго воспитанія, пишетъ о. Гоганъ, ихъ изученіе обязательно въ заведеніяхъ, приготовляющихъ юношество къ духовному званію“ 3). Въ правленіе Льва XIII, интересовавшагося естественными науками, чему служить доказательствомъ основаніе ватиканской обсерваторіи и принятое имъ чрезъ посредство своихъ делегатовъ участіе съ астрономами всего свѣта въ громадномъ трудѣ небесной картографіи, въ семинаріяхъ было введено изученіе этихъ наукъ. Семинарія въ Павіи основала журналъ естественныхъ наукъ, существующій 10 лѣтъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ земледѣльческихъ провинцій епископы учредили даже кафедръ научной агрикультуры для того, чтобы священники могли и въ матеріальномъ отношеніи быть полезными для своей духовной паствы—крестьянъ. Раздѣленіе семинарій на малыя и провинціальныя позволило бы развить и эту отрасль образованія, снабдить провинціальныя семинаріи физическими и химическими инструментами и дать студентамъ серьезное образованіе. Однако касательно этого неизвѣстно мнѣніе Пія X, цѣль котораго

1) *Studi Religiosi*, 1906, стр. 155.

2) *Acta Pontificia*, 1906, 1—11, стр. 34—35.

3) Стр. 26.

образовать главнымъ образомъ священниковъ, хорошихъ катехизаторовъ, и которому поэтому не нравятся занятія духовенства, не имѣющія прямого отношенія къ ихъ апостольской дѣятельности. Нѣкоторые же—того мнѣнія, что естественныя науки имѣютъ прямое отношеніе къ богословскому образованію, потому что служатъ для доказательства научной истины моисеевой космогоніи и даютъ оружіе для борьбы противъ дарвинизма, монизма, гипнотизма, матеріализма и другихъ системъ, которыя, переступая собственныя границы и вторгаясь въ область откровенія, ведутъ войну противъ христіанской догматики.

За изученіемъ философіи въ большихъ семинаріяхъ слѣдуетъ изученіе богословія и однородныхъ съ нимъ наукъ: церковнаго права, литургики, исторіи церкви, священнаго писанія и патрологіи. Богословіе раздѣляется на догматическое, нравственное и пастырское. Изъ нихъ главное—богословіе нравственное, непосредственный предметъ котораго исповѣдь. Къ первому и послѣднему относятся иногда небрежно, но нравственное богословіе считается необходимымъ для священства: безъ его знанія не дается права исповѣдывать.

Курсъ догматическаго богословія распределенъ на три или четыре года. Первый годъ посвящается обыкновенно такъ называемой *proaeudentica* богословія, заключающейся въ трактатахъ объ откровеніи, о церкви и о римскомъ первосвященникѣ. Названная нѣмцами *Fundamentale Theologie*, эта часть догматики есть опытъ философской и исторической апологетики католицизма; ея важнѣйшіе тезисы тѣ, которые опредѣляютъ преимущества, права, первенство и непогрѣшимость папы. Затѣмъ слѣдуютъ чисто богословскіе трактаты о Богѣ, Христѣ, твореніи, благодати, таинствахъ, адѣ и раѣ и т. д. До Ватиканскаго собора лучшее руководство на западѣ было составлено іезуитомъ Перроне; но послѣ собора, опредѣлившаго еще одинъ догматъ и нѣкоторые пункты богословскаго и философскаго вѣдѣнія, руководство Перроне, какъ устарѣвшее, не употребляется болѣе. Теперь болѣе всего въ ходу курсы богословія іезуита Хертеръ, отдающагося отъ схоластической формы, Тангуффея, обсуждающаго нѣкоторые современные вопросы и Маццеллы, составленный съ ясностью и схоластической строгостью. Среди

профессоровъ пользуются большимъ уваженіемъ богословы кардиналы—іезуиты Францелинъ и Маццелла.

Отвѣчаетъ ли нынѣшнее преподаваніе богословія въ римско-католическихъ семинаріяхъ требованіямъ времени?.. Уступимъ рѣчь анонимному римскому священнику, автору сочиненія „Реформы“: „Въ преподаваніи богословія многое нужно исправить. Настоящая реформа состояла бы въ томъ, чтобы измѣнить, можетъ быть, самое основаніе догматическихъ наукъ и постараться придать ихъ изученію характеръ преимущественно историческій. Мы еще очень далеки отъ такого преобразованія. Оставляя въ сторонѣ почти постоянную несостоятельность профессоровъ, назначаемыхъ безъ разбора для самыхъ различныхъ наукъ, существенные недостатки богословскаго преподаванія состоятъ въ узости методовъ въ догматикѣ, въ безусловномъ отсутствіи критическаго чутія въ экзегетикѣ, въ исторіи церкви и въ агіографіи, въ суевѣрномъ страхѣ передъ исторіей догматовъ, въ изложеніи морали съ устарѣвшими критеріями, не считающейся съ пособіемъ, которое ей можетъ доставить фізіологія и гігіена, въ преобладаніи изученія римскаго права и почти совершенномъ пренебреженіи современнаго законодательства. Въ трактатахъ догматики пространно опровергаются заблужденія Арія и Несторія, но ни однимъ словомъ не упоминается, а если упоминается, то съ безтолковыми разсужденіями, о распространяющихся нынѣ новыхъ понятіяхъ о догматахъ. Современное богословіе сухо, холодно, бесплодно. Большая часть книгъ, предназначенныхъ для изученія богословія, представляетъ лишь схемы, въ которыхъ доказательства предлагаются въ минимальныхъ пропорціяхъ. Подобная книга схоластическаго богословія даетъ такіе результаты въ классѣ, состоящемъ изъ 60 учениковъ: 4 понимаютъ почти все, 10—половину, остальные ничего. Студенты богословія мало что понимаютъ изъ отвлеченностей, которыя можетъ быть недоступны для современнаго положительнаго склада ума и имъ не дается достаточно запастись необходимыми для апологетическихъ цѣлей познаніями“ ¹⁾.

Поэтому необходимо приступить въ семинаріяхъ къ искорененію густыхъ зарослей бесполезныхъ вопросовъ, чтобы

¹⁾ Стр. 34—35.

согласовать богословскія ученія съ современнымъ развитіемъ мысли. Средневѣковое богословіе, которое еще въ ходу въ католическихъ семинаріяхъ, по крайней мѣрѣ въ Италіи и Испаніи, трактуеть со смѣлой увѣренностью о мельчайшихъ подробностяхъ въ области сверхъестественнаго. Богословы говорятъ о жизни ангеловъ, объ отношеніяхъ между ними, объ ихъ степеняхъ, ихъ вкусахъ, ихъ рѣчи, ихъ природѣ съ такой же точностью терминовъ и указаній, съ какой профессоръ анатоміи демонстрируетъ своимъ слушателямъ вскрытый трупъ. Они рассказываютъ съ точностью очевидца, какъ происходило сотвореніе Богомъ міра, въ живыхъ краскахъ представляютъ состояніе Адама и Евы въ земномъ раю, ихъ ежедневныя занятія, ихъ вкусы, ихъ физическія и духовныя совершенства такъ, какъ будто-бы они въ продолженіе долгаго времени жили вмѣстѣ съ ними. Такія же описанія встрѣчаются относительнорая, блаженства душъ, ада и страданій осужденныхъ, антихриста, страшнаго суда и т. д. Воображенію дана полная свобода и богословскіе тезисы изобилуютъ темами, ускользящими отъ экспериментальнаго метода, отъ свидѣтельства исторіи или отъ данныхъ откровенія. Не такъ давно одинъ нѣмецкій католическій богословъ въ курсѣ богословія для семинарій проводилъ гипотезу, что вулканы — трубы ада, помѣщающагося въ центрѣ земли. Исключивъ эти вопросы, оставивъ въ сторонѣ опроверженіе древнихъ ересей, о которыхъ достаточно было бы упомянуть въ исторіи церкви, руководства богословія сократились бы на половину. Богословы оставались бы въ большей связи со своимъ временемъ и примѣняли бы божественную истину къ нравственнымъ и умственнымъ запросамъ современныхъ народовъ.

Сторонники богословской реформы признаютъ, что въ догматахъ есть элементъ неизмѣнный и способная къ измѣненію оболочка; другими словами—неизмѣняющееся содержаніе и формулы для его выраженія, которыя измѣняются согласно научному развитію общества. Въ средніе вѣка силлогизмъ былъ самой совершенной формой для выраженія догмата, теперь же требуется доказательство опыта. Для нынѣшнихъ позитивистовъ самыя блестящія метафизическіе выводы не имѣютъ цѣны. Религію изучаютъ теперь, какъ фактъ историческій или психологическій, а потому только историче-

скіе и психологическіе факты придають религіознымъ теоріямъ и ученіямъ характеръ реальности, который не въ состояніи сообщить имъ отвлеченная аргументація ¹⁾).

Итакъ, для реформы богословскаго преподаванія въ семинаріяхъ требуются значительныя измѣненія въ богословіи. Но въ нынѣшнее время простое упоминаніе о новыхъ богословскихъ направленіяхъ возбуждаетъ подозрѣніе въ Ватиканѣ, особенно вслѣдствіе ученій, проводимыхъ французской новокатолической школой, которая учитъ, что существованіе Бога нельзя доказать человѣческимъ разумомъ и что пророчества и чудеса не обладаютъ никакою доказательной силой и поэтому не могутъ быть приводимы, какъ доказательства въ пользу откровенія. Защитники старыхъ системъ абсолютно отвергаютъ возможность обновленія богословской мысли. Измѣненій въ томъ, что касается догматовъ, слѣдуетъ строго избѣгать; что же касается формальнаго метода и аргументовъ догматики, то въ этомъ тоже нечего обновлять, потому что тотъ, кто принялся бы за это дѣло, столкнулся бы съ непогрѣшимымъ авторитетомъ церкви. Значитъ, преподаваніе богословія должно продолжаться такъ же, какъ и прежде, а тѣ, которые требуютъ перемѣны метода,—еретики и должны быть исключены изъ церкви.

Между этими двумя враждебными партіями въ лонѣ католицизма согласіе невозможно. Поэтому мало вѣроятно, чтобы могла осуществиться реформа богословскаго преподаванія въ смыслѣ исключенія бесполезныхъ вопросовъ, введенія современныхъ понятій, замѣны метафизическихъ методовъ критическими. Пій X видитъ въ этихъ стремленіяхъ значительной группы римско-католическаго духовенства и группы болѣе образованныхъ вѣрующихъ, движеніе, стоящее въ непосредственной связи съ протестантской свободой изслѣдованія и строго его порицаетъ. Тѣ немногіе, которые пытались обновить богословіе, какъ Дени во Франціи, испытали на себѣ строгости конгрегаціи индекса запрещенныхъ книгъ. Поэтому можно предсказать, что богословское образованіе не освободится пока отъ перечисленныхъ нами пробѣловъ и недостатковъ.

Точно также и схоластическая мораль „со своими тонко-

¹⁾ Гоганъ, стр. 236.

стями и отвлеченными изысканіями также представляет матеріаль, въ который нужно ввести новые критеріи“ (Реформы стр. 36). Въ католическихъ семинаріяхъ изученіе нравственнаго богословія имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ изученіе богословія догматическаго, и даже, какъ мы упомянули, предпочитается ему, какъ средство прямое и болѣе полезное для подготовки къ апостольской дѣятельности. Серьезностью отличается руководство итальянскаго кардинала Д' Аннибале; но самыя распространенныя руководства—книги іезуитовъ Лемкуль, Гури и Буччерони. Нравственное богословіе въ томъ видѣ, какъ оно преподается въ семинаріяхъ, можно бы назвать наукой о грѣхахъ и оно состоитъ часто изъ разсужденій и гипотезъ о тяжести того или другаго грѣха, о дозволенности или недозволенности извѣстныхъ поступковъ. Въ своихъ попыткахъ каталогизировать всѣ aberrации страстей или нравственныя заблужденія воли, моралисты запада привыкли входить въ нѣкоторыя столь опасныя подробности порока, что не малую часть ихъ руководствъ можно читать только по латыни, а между тѣмъ эти тексты изучаются молодыми воспитанниками семинарій, которыхъ съ такимъ стараніемъ держать въ заперти, далеко отъ свѣта.

Нравственное богословіе римскихъ семинарій требуетъ тоже очищенія, и это горячо совѣтуется даже тѣми, которые считаютъ его совершеннѣйшимъ произведеніемъ западныхъ богослововъ. „При чтеніи руководствъ по нравственному богословію, пишетъ Гоганъ, мы часто бываемъ грустно поражены. Судьи не могутъ понять, что богословъ считаетъ позволенными нѣкоторыя дѣйствія, осужденныя закономъ; чувство чести отвергаетъ нѣкоторые приемы, дозволенные богословами, ревностные христіане удивляются, замѣчая въ рѣшеніяхъ моралистовъ какъ бы явное отреченіе отъ главныхъ основъ Евангелія; общественное мнѣніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ строже казуистовъ въ осужденіи зла“. Нѣкоторыя опредѣленія католическихъ моралистовъ относительно лжи, обѣщаній, клятвы, контрактовъ, причинъ, освобождающихъ отъ возвращенія чужаго и т. д., справедливо возбуждаютъ возраженія и навлекаютъ справедливую критику на систему католической морали. Уже въ XVII вѣкѣ былъ предпринятъ трудъ очищенія морали. Александръ VII (1665 г.) осудилъ

45 тезисовъ, выбранныхъ изъ самыхъ извѣстныхъ сочиненій по нравственному богословію, а Иннокентій XI шестьдесятъ пять (1679). Читая эту серію заблужденій, пишетъ Гоганъ, поражаясь, что подобныя ученія нашли мѣсто въ руководствахъ, предназначенныхъ для нравственнаго руководства христіанъ, или заслужили одобреніе благочестивыхъ и разумныхъ личностей (стр. 284—285.)

Итакъ, слѣдовало бы освободить нравственное богословіе отъ всѣхъ этихъ тонкихъ различій, которыя, по выраженію не разъ упомянутаго Гогана, даютъ возможность задѣвать за утесы, не подвергаясь крушенію, или сократить обязанности до самыхъ крайнихъ предѣловъ, или внушить сомнѣнія, совершенно не оправдываемыя совѣстью, какъ нечестный адвокатъ, выдумывающій юридическіе аргументы, чтобы освободить своего кліента отъ уплаты долга (стр. 290). Кромѣ того слѣдуетъ уничтожить искусственное раздѣленіе грѣховъ на смертные и простительные. Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко замѣтить тяжесть или незначительность прегрѣшенія,—это допускается защитниками реформы; но они отрицаютъ, чтобы можно было дѣлать нравственную оцѣнку человѣческихъ дѣйствій, измѣряя ихъ по извѣстной мѣркѣ; католическіе моралисты забываютъ о существованіи субъективнаго, личнаго элемента, объ интеллектуальныхъ и нравственныхъ условіяхъ дѣйствующаго лица,—условіяхъ, которыя часто опредѣляютъ нравственное значеніе дѣйствія. Справедливо хотятъ поэтому ограничить нравственное богословіе немногими ясными, основательными принципами, устранить вліяніе казуистовъ, которыхъ ѣдкой ироніей бичевалъ Паскаль, считать нравственный поступокъ болѣе субъективнымъ, воспользоваться физиологическими, юридическими и социальными науками, чтобы преобразовать рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, ошибочно разрѣшенныхъ римско-католическими моралистами. Но намъ кажется, что для такой реформы время еще не настало: католическіе трактаты по нравственному богословію вмѣсто того, чтобы значительно сократиться, принимаютъ все большіе размѣры чрезъ прибавленіе новыхъ разсужденій, напр., о степени важности неповиновенія тѣхъ, которые въ Италіи, вопреки рѣшенію римскихъ конгрегацій, принимаютъ участіе въ политическихъ выборахъ (есть моралисты, считающіе это неповино-

веніе смертнымъ грѣхомъ), о проступкахъ лицъ, посѣщающихъ спиритическіе сеансы или занимающихся гипнотизмомъ и т. п.

„Что касается изученія Священнаго Писанія,—пишетъ авторъ „Реформъ“, то наши школы представляютъ печальное зрѣлище. Библейская критика дѣлаетъ гигантскіе шаги, но до нашихъ семинарій объ этой громадной и плодотворной дѣятельности едва доходитъ слабый отголосокъ въ краткихъ замѣткахъ журналовъ. Въ старыхъ школахъ юношей знакомятъ со старыми методами, старыми категориями, старыми правилами толкованія Священнаго Писанія, какъ будто бы окружающій міръ находится въ состояніи неподвижности, смерти. Объ экзегетикѣ не имѣютъ даже точнаго понятія, думаютъ, что она сводится къ духовному созерцанію эпизодовъ Священнаго Писанія, вмѣсто того, чтобы понимать ее какъ слѣдуетъ въ смыслѣ строгаго, ученаго изслѣдованія текстовъ и ихъ состава“.

Левъ XIII понялъ крайнюю важность библейскаго вопроса и энцикликой *Providentissimus Deus* отъ 18 ноября 1898 года хотѣлъ остановить успѣхи такъ называемой широкой школы римско-католическихъ экзегетовъ, смѣло допускавшихъ возможность ошибокъ въ библіи. Левъ XIII объявлялъ невѣрными и неосторожными теоріи, которыя современные римско-католическіе экзегеты распространяли въ своемъ преподаваніи съ апостольскими цѣлями. Тѣмъ не менѣе, несмотря на его явное осужденіе, въ католическихъ школахъ, благодаря нерѣшимости римской церкви опредѣлить границы боговдохновенности, безнаказанно поддерживаются мнѣнія, которыя прежде считались на западѣ еретическими: отрицаютъ историческій характеръ первой главы книги Бытія; потопъ сводится къ мѣстному наводненію, погубившему немногихъ людей и животныхъ; язвы Египта считаются естественными событіями; чудо Иисуса Навина преобразовалось въ поэтическое описаніе естественнаго явленія; книги Іова, Юдифи, Товита, а также случай Іоны считались нравственными вымыслами; отказывали Моисею въ чести составленія Пятокнижія. Еще радикальнѣе была новокатолическая экзегетика по отношенію къ Новому Завѣту, изъ котораго она избрала главнымъ предметомъ для своей критики евангеліе отъ Іоанна. Тѣмъ не менѣе Левъ XIII хотѣлъ не подавить это

движеніе, но только дисциплинировать его. Чтобы достигнуть этого онъ назначилъ библейскую комиссію. Но смерть прервала начатое Львомъ XIII дѣло. Его преемникъ нашелъ умѣстнымъ дѣйствовать строже и положить конецъ смѣлымъ теоріямъ новой экзегетики. По взгляду архіепископа камбрійскаго, выраженнаго въ его декретѣ, осуждавшемъ сочиненія Луази, новая экзегетика произвела „прогрессивное уменьшеніе истинъ, ослабленіе католическаго чувства, прославленіе частнаго образа мыслей, уклоненіе отъ истиннаго благочестія, постоянное проникновеніе идей, почти совершенно разрушающихъ область сверхъестественнаго, постепенное пониженіе общепринятыхъ взглядовъ вѣры, фантастичное толкованіе Священнаго Писанія, слишкомъ снисходительное отношеніе къ книгамъ, написаннымъ извѣстными противниками вѣры, незнаніе или презрѣніе непогрѣшимаго авторитета церкви и ея верховнаго главы“. Піій X раздѣляетъ въ этомъ отношеніи мысли французскаго прелата. Онъ осуждаетъ сочиненія Луази, но хочетъ, чтобы въ семинаріяхъ прилежно изучалось Священное Писаніе. Декретъ отъ 27 марта 1906 года предписываетъ правила плодотворнаго преподаванія экзегетики въ семинаріяхъ. Программа, начертанная въ общихъ чертахъ Піемъ X, обнимаетъ трактатъ о боговдохновенности, исторію канона и герменевтику общую и изслѣдующую отдѣльныя книги. Касательно Ветхаго Завѣта онъ рекомендуетъ знаніе исторіи древняго Востока, а также литературы путеводителей и паломничествъ въ Святую Землю. Преподаваніе не должно уклоняться отъ общаго ученія и преданія церкви; можно утилизировать вѣрные результаты наукъ, касающихся Священнаго Писанія, но слѣдуетъ изгнать смѣлыя выдумки новаторовъ; кромѣ того должны обсуждаться только тѣ вопросы, которые способствуютъ уясненію и апологій священныхъ книгъ: *Doctor sacrae Scripturae tradendae sanctum habebit, nunquam a communi doctrina ac traditione Ecclesiae vel minimum discedere: utique vera scientiae nunc incrementa, quaecumque recentiorum solertia peperit, in rem suam convertet, sed temeraria novatorum commenta negliget; idem eas dumtaxat quaestiones tractandas suscipiet, quarum tractatis ad intelligentiam et defensionem Scripturarum conducat.*

Декретъ Пія X не разрѣшаетъ библейскаго спора на западѣ и ограничивается общими указаніями и строгимъ наказомъ

не уклоняться отъ общаго ученія церкви. Затрудненіе состоитъ именно въ томъ, чтобы знать, какое есть общее ученіе римской церкви, которое должно быть предметомъ изученія въ семинаріяхъ. Можетъ быть библейская коммиссія, назначенная Львомъ XIII, могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Но, повидимому, ея вліяніе чрезвычайно ничтожно, и несогласія, возникшія между ея членами, дѣлають ее неспособной руководить библейскими спорами и при случаѣ разрѣшать ихъ. Такъ мы читаемъ въ сочиненіи „Реформы“: „Библейская коммиссія мудрствуетъ надъ опредѣленіемъ границъ боговдохновенности. Теперь это всѣмъ извѣстно. Названной коммиссіи былъ предложенъ вопросъ: можно ли утверждать, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ священный авторъ пишетъ не по внушенію свыше, когда онъ приводитъ прежніе документы, которые въ ходу у народа, и которымъ онъ стало бы не дать авторитета собственнымъ утвержденіемъ, или рассказы, которые и въ историческомъ отношеніи могутъ быть невѣрными? Коммиссія, помня двусмысленные дельфійскіе оракулы, отвѣчаетъ въ общемъ *нѣтъ*, но сейчасъ же умѣряетъ отрицательный отвѣтъ многозначительнымъ *но*... Но если можно доказать основательными доводами, что авторъ повторяетъ слова или сочиненія прежняго времени, тогда можно признать такъ называемую теорію исторической вѣщности,—довольно смѣшное опредѣленіе и глубоко противорѣчивое, нисколько не свидѣтельствующее въ пользу компетентности членовъ коммиссіи (стр. 36)“. Тоже самое можно бы сказать о недавнемъ рѣшеніи библейской коммиссіи относительно Пятокнижія, рѣшенія, которое какъ широкая, такъ и традиціонная школа толкуютъ съ торжествующимъ видомъ, каждая въ пользу своихъ теорій.

Между тѣмъ расположеніемъ Пія X пользуются экзегеты—ретрограды, и поэтому духовенство и семинаріи, чтобы не возбудить подозрѣнія относительно своего правовѣрія, защищаютъ самыя устарѣвшія теоріи. Типичнымъ примѣромъ могутъ служить два случая изъ церковнаго календаря епархіи Удине на 1906 г. Духовенство призывается къ защитѣ подлинности Пятокнижія, отрицаемой раціоналистами 1) потому, что Моисей говоритъ въ 3 лицѣ и хвалитъ самъ себя; 2) потому что въ немъ встрѣчаются халдейскія имена, неизвѣстныя въ эпоху Моисея; 3) потому что въ немъ расска-

зывается с смерти и погребенія Моисея. Второй случай относится къ грѣхопадению нашихъ прародителей. Духовенство приглашается доказать, что все то, что разсказывается въ книгѣ Бытія о сотвореніи міра, объ искушеніи Евы, о змѣѣ, о древѣ познанія добра и зла, не слѣдуетъ понимать въ аллегорическомъ, но въ буквальномъ смыслѣ. По этому поводу флорентійскій журналъ *Studi Religiosi*, представитель либеральныхъ тенденцій въ экзегетикѣ, подвергнувъ сперва критикѣ легкомысліе перваго случая, въ которомъ выражаютъ убѣжденіе, что подлинность Пятикнижія отрицается только въ силу вышеупомянутыхъ трехъ причинъ, раздражается относительно втораго случая слѣдующей выходкой: „авторъ воленъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, что Богъ сошелъ въ полдень погулять въ саду, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, но пусть онъ не требуетъ, чтобы мы признали положенія, въ которыя и мальчика не заставишь повѣрить“ (1906, стр. 637).

Другое доказательство тенденцій Пія X въ экзегетикѣ представляютъ расточаемыя имъ похвалы сочиненіямъ, воплощающимъ традиціонализмъ, и данный имъ епископамъ совѣтъ, не колеблясь удалять склоняющихся къ новымъ ученіямъ профессоровъ. Тѣмъ не менѣе въ одномъ документѣ папа выказываетъ себя не столь враждебнымъ къ движенію реформы въ экзегетикѣ. Это письмо къ недавно умершему монсиньору Ле-Камюсъ, епископу Ла-Рошели, по случаю опубликованія его сочиненія *L'oeuvre des Apôtres* (3 т. Paris, 1905). Піей X пишетъ такъ: „Насколько достойна осужденія смѣлость тѣхъ, которые, слѣдуя гораздо болѣе своему вкусу къ новизнѣ, нежели ученію церкви, не колеблются прибѣгать къ крайне свободнымъ критическимъ приемамъ, настолько же заслуживаетъ осужденія поведеніе тѣхъ, которые не рѣшаются ни въ какомъ случаѣ покончить съ экзегетикой Священнаго Писанія, бывшей до сихъ поръ въ ходу, даже тогда, когда, оставляя вѣру въ цѣлости, просвѣщенный прогрессъ науки настоятельно этого требуетъ“ (Посланіе отъ 11 января 1906 г.). Не хотящіе покончить съ экзегетикой, бывшей до сихъ поръ въ ходу,—это богословы, которые, привыкнувъ основывать свои доказательства на нѣкоторыхъ невѣрно истолкованныхъ текстахъ Священнаго Писанія, думаютъ, что все зданіе вѣры должно рухнуть, если эти самые

тексты будутъ иначе объяснены экзегетами. Одинъ изъ такихъ богослововъ въ Италіи іезуитъ Санто Скиффи называлъ новыя теоріи экзегетики рационалистическими баснями, мечтами и протестантскою чумой и удивлялся, какъ Луази, авторъ вреднѣйшихъ сочиненій, и Лагранжъ, редакторъ *Revue Biblique*, не стыдятся распространять ихъ ¹⁾. Въ этой безкровной борьбѣ побѣда, по традиціямъ римскаго католицизма, должна остаться за богословіемъ, а средство для ея достиженія—заставить молчать экзегетовъ новаторовъ. Поэтому мы думаемъ, что въ правленіе Пія X традиціонализмъ будетъ имѣть перевѣсъ въ семинаріяхъ и въ преподаваніи экзегетики произойдетъ скорѣе регрессъ, нежели прогрессъ; отъ воспитанниковъ же будутъ стараться скрывать опасныя стороны библейскаго вопроса.

Необходима была бы реформа и въ преподаваніи исторіи церкви, которая изучается по устарѣвшимъ учебникамъ, въ которыхъ обильный и неподатливый матеріалъ схематически распределенъ на многіе маленькіе тезисы. Слѣдуетъ устранить эти старыя системы. Жизнь церкви есть органическое цѣлое и не можетъ быть конструирована изъ пилюль. Исторія церкви считается въ римско-католическихъ семинаріяхъ дополненіемъ, приложеніемъ къ богословію; больше всего развиты тезисы относительно первенства и непогрѣшимости римскихъ папъ, такъ что исторія церкви часто превращается въ апологію папства. Кромѣ того въ школьныхъ руководствахъ или умалчивается о нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ, бросающихъ тѣнь на католицизмъ, какъ напр. о характерѣ и дѣяніяхъ нѣкоторыхъ папъ, инквизиціи, осужденіи Галилея—или же прибѣгаютъ къ ничтожнымъ доводамъ, чтобы представить ихъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Нѣкоторыя искаженія исторіи не такъ легко провести, когда легко прибѣгнуть къ документамъ. О. Гоганъ пишетъ: „Священникъ, изучающій исторію, не долженъ настаивать на игнорированіи фактовъ, которые ему непріятны. Эти факты—полезные, хотя и непріятные уроки. Кромѣ того не слѣдуетъ подъ предлогомъ апологетики или съ цѣлью полемики, нечестно отрицать факты или искажать ихъ. Дѣйствовать такимъ обра-

¹⁾ *Divinitas Scripturarum adversus hodiernas novitates asserta et vindicata*. Torino, 1905, стр. 57—58, 106, 117.

зомъ тоже самое, что сознаться въ безсиліи защищать свое дѣло, защищать его честно“. Справляясь съ руководствами исторіи церкви, употребляемыми въ семинаріяхъ, можно найти только нѣсколько строчекъ для объясненія начала реформаціи, приписываемой „свинскимъ намѣреніямъ“ Лютера; на Фотія до сихъ поръ смотрятъ, какъ на евнуха, ересіарха, воплощеннаго демона, а Александра VI сердобольно представляютъ, какъ папу большаго ума и съ великодушнымъ сердцемъ. Поборники семинарскихъ реформъ хотѣли бы уничтожить эту пристрастность и примѣнить правило Квинтиліана: *Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum*, вмѣсто того, чтобы говорить иногда о фактахъ, извращая ихъ, указывать лучше воспитанникамъ на источники, откуда они должны почерпнуть ихъ, и давать болѣе совершенныя познанія въ хронологіи и географіи—наукахъ, находящихся въ полномъ пренебреженіи. Но чтобы провести такую реформу, слѣдовало бы лишить исторію церкви ея апологетическаго характера, отнять у ней задачу поддерживать даже непозволительными средствами тезисы богословія, а для такой радикальной реформы правленіе Пія X, воодушевленное самымъ строгимъ консерватизмомъ, кажется неблагоприятнымъ.

Еще одно важное преобразование касается церковнаго права, которое въ римской церкви часто прокладываетъ дорогу къ высокимъ постамъ іерархіи. Судя по самымъ распространеннымъ руководствамъ на западѣ, именно іезуита о. Маріана. Де Лука и кардинала Каваньисъ, церковное право сохраняетъ весь громадный матеріалъ законодательства среднихъ вѣковъ. Въ его основаніи лежатъ пять книгъ Декреталій, одобренныхъ Григоріемъ IX и дополненныхъ Бонифаціемъ VIII, Климентомъ V и Іоанномъ XXII, къ которымъ въ теченіе вѣковъ присоединились многочисленныя рѣшенія римскихъ папъ и конгрегацій. Нѣкоторые трактаты церковнаго права, относительно законовъ, брака, цензуры, и т. д. изучаются одновременно и въ нравственномъ богословіи, такъ какъ границы обѣихъ наукъ точно не опредѣлены.

Церковное католическое право представляетъ собраніе законовъ, серьезное неудобство которыхъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ быть примѣнены. Во время теократическаго періода среднихъ вѣковъ основнымъ принципомъ церковнаго права было абсолютное первенство папъ, ихъ не-

ограниченная власть, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніи, и все церковное законодательство согласовалось съ этой аксіомой. Превосходство церкви надъ государствомъ было принципомъ, руководившимъ канонистами въ ихъ юридическихъ изысканіяхъ.

Въ настоящее же время, когда могуществу папы предназначено повидимому окончательно заключиться въ предѣлы духовнаго, и когда государство, свободное отъ опеки церкви, смѣло требуетъ своего права совершенной автономіи, большее число каноническихъ предписаній католической церкви, сводящихся въ концѣ концовъ, къ различнаго рода привилегіямъ духовенства, имѣетъ только фиктивную цѣнность, представляетъ далекое воспоминаніе эпохи, которая не повторится болѣе въ исторіи. Поэтому церковное право нуждается въ совершенной, основательной реформѣ. Въ 1869 г. передъ открытіемъ Ватиканскаго собора епископы просили, чтобы было приступлено къ совершенному преобразованію церковнаго права, такъ чтобы оно согласовалось съ современными нуждами. Внезапное прекращеніе засѣданій собора не дало осуществиться желаніямъ римско-католическихъ епископовъ различныхъ націй. Забота объ этой реформѣ была такимъ образомъ предоставлена римскимъ конгрегаціямъ, которыя совершенно не занимались ею или произвели только легкія измѣненія. Единственный идеаль католическаго церковнаго права—это централизовать въ Римѣ всѣ дѣла католическихъ націй; результаты же этой централизаціи—длиннѣйшія проволочки въ разрѣшеніяхъ церковныхъ спорныхъ вопросовъ или тактическія ошибки, такъ какъ судьи, засѣдающіе въ римскихъ конгрегаціяхъ, не могутъ знать основательно душевное состояніе, стремленія и нужды различныхъ націй. Слѣдовало бы поэтому изъять изъ церковнаго права тѣ законы, которые нельзя болѣе примѣнять, не считаться болѣе съ тѣми привилегіями, которыя духовенство окончателно потеряло, сократить въ пользу епископовъ всемогущество римскихъ конгрегацій и дать отдѣльнымъ церквамъ, чрезъ посредство частныхъ соборовъ, болѣе свободы для развитія ихъ внутренней жизни.

Въ такомъ видѣ, какъ оно преподается въ настоящее время, церковное право есть *factio iuris*: законы существуютъ въ теоріи, но не имѣютъ пракческаго значенія. Спрашивается,

къ чему дѣлать обязательнымъ изученіе законодательства, которое во многихъ пунктахъ не имѣетъ болѣе отношенія къ современной жизни? Кромѣ того первенство церкви надъ государствомъ или союзъ церкви и государства, протягивающихъ другъ другу руку помощи для болѣе легкаго достиженія ихъ обоюдныхъ цѣлей,—теоріи, уже не имѣющія нынѣ значенія. На западѣ римско - католическія націи или отдѣлились уже оффиціально отъ церкви, или стремятся отдѣлиться отъ нея, или относятся къ ней равнодушно или враждебно. Религіозная борьба во Франціи есть одинъ изъ послѣднихъ эпизодовъ этого проникновенія политическихъ идеаловъ въ жизнь римскаго католицизма и католическая церковь на западѣ должна будетъ впредь разсчитывать только на свои собственныя силы. Въ эпоху такого радикальнаго общественнаго переворота каноническіе законы — анахронизмъ, то же самое, что примѣненіе законовъ Августа или Юстиніана въ наше время.

Тѣмъ не менѣе эта настоятельная и необходимая реформа осуществится очень медленно. Въ Григоріанскомъ университетѣ, управляемомъ иезуитами, о. Вернцъ, недавно выбранный генераломъ ордена, объяснялъ декреталии и издавъ свой комментарий, не отказываясь ни отъ одного изъ принциповъ, утверждающихъ въ средніе вѣка абсолютное могущество папъ, какъ въ религіозной, такъ и въ политической жизни. Слѣдуетъ однако напомнить, что Пій X, главная цѣль котораго—внутренняя реформа церкви, съ самаго начала своего правленія дѣлѣялъ мысль обновленія церковнаго права. Для этой цѣли онъ назначилъ комиссію, названную комиссіей кодификаціи церковнаго права, въ которой участвуютъ лучшіе римско - католическіе канонисты подъ предсѣдательствомъ монсиньора Гаспарри. Цѣль комиссіи разсмотрѣть непомѣрную кучу потерявшихъ силу законовъ, сократить церковное право на треть или болѣе, смягчить строгость нѣкоторыхъ предписаній такъ, чтобы церковные законы были легче примѣнимы для всѣхъ націй. Съ этою цѣлью въ работахъ комиссіи принимаютъ участіе делегаты епископовъ различныхъ римско-католическихъ странъ. Комиссія работаетъ въ величайшей тайнѣ и поэтому нельзя ничего сказать объ этой реформѣ.

Другіе реформаторы духовнаго образованія предлагаютъ

основаніе кафедръ соціальныхъ наукъ для изученія общей соціологіи, политической экономіи, соціальной экономіи, исторіи соціологическихъ теорій: „въ настоящее лихорадочное время экономическихъ задачъ, роковымъ образомъ отражающихся въ жизни политической, національной и интернаціональной, духовенство совершенно не имѣетъ о нихъ ни малѣйшаго понятія и, можетъ даже оказаться, не въ состояніи понимать журнальныя статьи“. Совѣтуютъ также реформу законовѣдѣнія въ семинаріяхъ, знакомства съ современными законами для болѣе дѣйствительной защиты собственныхъ правъ. Хотятъ, однимъ словомъ, чтобы духовенство выходило изъ семинарій не съ однимъ запасомъ латыни, схоластическихъ формулъ и каноническихъ опредѣленій, благодаря которымъ оно живетъ среди воспоминаній похороненныхъ вѣковъ прошлаго, но какъ человѣкъ, сознающій враждебность общества, въ которое онъ вступаетъ, къ олицетворяемому имъ ученію и способный защищать его на научной почвѣ не менѣе, чѣмъ на почвѣ соціальной.

Изъ всего вышесказаннаго легко замѣтить, что главный недостатокъ получаемаго въ семинаріяхъ воспитанія римско-католическаго духовенства заключается въ его устарѣлости. Приведемъ слова римскаго священника, автора брошюры „Реформы“: „Образованіе духовенства слабо и недостаточно. Духовенство не замѣчаетъ происходящихъ въ обществѣ эволюцій; оно живетъ упорно приверженное къ ослѣпляющему его прошлому, между тѣмъ какъ всякій соціальный институтъ, если онъ хочетъ жить и процвѣтать между людьми, долженъ стараться составить себѣ будущность. Отсюда, въ то время какъ въ свѣтскомъ обществѣ мѣняются методы, горизонты, основы образованія, духовенство идетъ ощупью между развалинами дидактической науки и воспитанія, носящихъ явные признаки минувшихъ пяти столѣтій. Подъ безстрастной оболочкой священнической жизни скрываются безчисленныя силы, ожидающія пробужденія. Слѣдуетъ стряхнуть ихъ безжизненный сонъ и направить ихъ по свободнымъ путямъ современной культуры. Бесъ его организмъ исцѣлѣетъ и придетъ въ движеніе, какъ въ новой молодости. Движеніе есть жизнь и жизнь есть побѣда“¹⁾.

¹⁾ Стр. 38—39.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, вопросъ о реформѣ духовнаго образованія занимаетъ умы на западѣ не менѣе, чѣмъ въ Россіи; отъ новаго направленія духовенства зависитъ будущее христіанства, какъ соціальной религіи. Борьба между новымъ и отсталымъ элементами ведется ожесточенно и если реформисты надѣялись на побѣду при Львѣ XIII, ихъ иллюзіи исчезнуть можетъ быть при Піѣ X. Для того, чтобы удовлетворить желаніямъ реформистовъ, католицизмъ долженъ бы отказаться отъ доктринальнаго контроля, обновить свой вѣковой организмъ, сократить преимущества папства, дать національнымъ церквямъ нѣкоторую автономію, освободить низшее духовенство отъ чересчуръ рабскаго отношенія къ іерархіи. Дѣло заключается въ цѣлой серіи измѣненій, которыя дали бы римскому католицизму новое направленіе и освободили бы его отъ обвиненія въ томъ, что онъ враждебно относится къ культурѣ и считаетъ задачей своего существованія борьбу со свѣтской властью.

Трудно предвидѣть, какіе критеріи возьмутъ въ будущемъ верхъ, каковы будутъ результаты кризиса католицизма на западѣ. Неподвижность подтачиваетъ медленно организмы, даже самыя богатые жизненной энергіей. Христіанство заключаетъ въ себѣ плодотворный зародышъ, который развился на враждебной почвѣ язычества съ удивительной силой, выработалъ христіанскую науку и положилъ основаніе христіанскому обществу. И въ аскетическомъ пылу первыхъ вѣковъ величайшіе геніи этой славной эпохи, какъ Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, не пренебрегали усвоить себѣ понятія, слогъ и философію своихъ противниковъ и изливать на нихъ мягкой, ласкающей свѣтъ христіанской религіи. Въ наше время наука медленно подрываетъ основанія христіанскаго откровенія. Правильно-ли систематически игнорировать ея существованіе, ея успѣшное движеніе впередъ, ея результаты и уступать ей поле битвы, отступая въ тѣнь церквей, чтобы блаженно упиваться въ нихъ жертвеннымъ благовоніемъ?.. Или же слѣдуетъ проникнуть въ ея траншеи, изучить ея методы, вооружиться ея же оружіемъ, проникнуть въ характеръ ея жизни, чтобы бороться противъ нея въ надеждѣ нейтрализовать ея вліяніе?.. Вотъ задача, занимающая въ настоящее время католицизмъ на западѣ. Заключится ли въ раковину, уже разфѣденную временемъ

и морскою волною, или же плавать по океану, презирая и вѣтры и бури? Тѣ, которые предпочитаютъ бездѣятельность и неподвижность, увидятъ можетъ быть образующуюся постепенно вокругъ нихъ пустыню; тѣ, которые стоятъ за обновленіе, придумываютъ новыя формы для католицизма, которыя измѣнять его ученіе и его строй. Понятно, что большія религіозныя эволюціи не совершаются въ періодъ нѣсколькихъ лѣтъ; но уже замѣтны симптомы этого доктринальнаго и соціальнаго переворота въ римской церкви, вліяніе котораго на христіанство запада будетъ громадно. Реформистское движеніе можетъ быть сжато, сдавлено, но оно возродится съ большей силой и тогда потомки будутъ свидѣтелями титанической борьбы между застывшими традиціями и обновленной мыслью и въ этой борьбѣ католичество, очистившись отъ шлаковъ, возстанетъ къ новой жизни или же останется парализованнымъ и неспособнымъ къ исполненію своего соціальнаго назначенія.

С. Братковъ.
